

2000-ГАДОВЫ ВОПЫТ ХРЫСЦЯНСТВА У ДУХОЎНЫМ І МАРАЛЬНА-ЭСТЭТЫЧНЫМ ВЫХАВАННІ

Б.А. Ганаго

О РОЛИ ПРИТЧИ

Спасительные цели, раскрытые Господом, являются немеркнувшей Вифлесской звездой истинного благовестника. Без них педагог слеп. Однако Христос-учитель не только открыл нам вечные цели, ведущие к богоподобию, но и указал методологию благовествования.

Одним из ключевых приемов проповедей Господа Иисуса Христа, как явствует из Евангелия, являлась притча.

“Всё сие Иисус говорил народу притчами, и без притчи не говорил им...”, - свидетельствует евангелист Матфей (*Мф. 13, 34*).

Что же такое притча? На вопрос отвечает епископ Аверкий: “Слово “притча” представляет собой перевод греческих слов “параволи” и “паримия”. “Паримия” - в дословном переводе означает: краткое изложение, выражающее правило жизни (таковы, например, “Притчи Соломона”). “Параволи” - это целый рассказ, имеющий глубокий смысл и в образах, взятых из повседневного быта людей, выражающий высшие духовные истины. Евангельская притча – это параволи.

Как поясняет святой Иоанн Златоуст: “Господь говорил притчами для того, чтобы сделать Слово Своё более выразительным, облечь истину в живой образ, глубже запечатлеть её в памяти, и самые дела представить глазам”.

“Притчи Господа – это иносказательные поучения, образы и примеры для коих заимствовались из обыденной жизни народа и окружающей его природы”¹.

В “Полном церковнославянском словаре”, составленном протоиереем Г. Дьяченко, дается следующее определение: “Притча – загадка; загадочное, мудрое изречение, поговорка; поучительное изречение; пророчество; образ”².

“Притчи Христовы, - находим определение в Библейской энциклопедии, - наставления, заимствованные из подобию окружающей природы или примеров, взятых из обыкновенной жизни человеческой, которые Господь нередко предлагал Своим ученикам и народу в поучение и назидание”³.

Христос-Учитель использовал в притчах образы, взятые из жизни своих слушателей: купца, сеятеля, жнеца. Но для наших слушателей слово «жнец» звучит архаично. Возникает вопрос: а не устарело ли содержание Его притч для нас? Ведь у каждой эпохи свои ассоциации.

Теория информации учит, что фон изложения должен быть знакомым. Если информация полностью новая, мы не можем ее принять. Если нет новизны, то интерес слушателей теряется, возникает информационный голод, скука, внимание гаснет. Чтобы процесс познания протекал продуктивно, на знакомом фоне нужно давать определенную дозу нового. Христос использовал образы, находящиеся рядом с Ним, а раскрывал тайны Царства Небесного неизреченные.

Использование притч не было импровизацией Господа, а предсказывалось давно. Сам Христос напоминал об этом: «Да сбудется реченное чрез пророка, который говорит: "отверзу в притчах уста Мои; изреку сокровенное от создания мира"» (*Мф. 13, 35*).

Какая поэзия, какая глубина! "Отверзу в притчах уста Мои; изреку сокровенное от создания мира!" Иными словами, Господь учил ассоциативному, образному мышлению.

Притча облакает истину в образ, а образ пробуждает к жизни бесчисленные индивидуальные ассоциации. Вспомним, как Маленький принц С.Экзюпери, встретив в пустыне потерпевшего аварию летчика, просил нарисовать ему барашка. Что ни рисовал летчик, все не устраивало малыша: не тот барашек. В конце концов раздосадованный лёгчик, чтобы отвязаться от назойливых просьб, нарисовал ящик с дырочками и предвзвешивал малыша мысленно посадить туда такого барашка, который ему подходит. Каково же было удивление летчика, когда на лице Маленького принца он увидел радость. Ящик с мысленно посаженным в него барашком давал простор воображению, призывал к творчеству. Ящик оказался лишь толчком, семенем, и малыш был рад данной ему возможности самостоятельно думать, представлять, воображать.

Господь постоянно использовал образный язык. Накануне своего распятия Спаситель предупредил: "...пришел час прославиться Сыну Человеческому. Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода" (*Ин. 12, 23-24*).

"Итак, - поясняет святитель Феофан Затворник, - если хочешь быть плодоносным - умри; умри настоящим образом, чтобы в сердце носить чувство, что ты уже умер. Как мертвый ни на что окружающее не отзывается, так делай и ты: хвалят - молчи, и бранят - молчи, и прибыль получишь - молчи, сыт - молчи, и голоден - молчи. Будь таков ко всему внешнему, внутренне же держи себя там, где бывает всякий умерший - в другой жизни, пред лицом Бога всеправедного, готовясь услышать последний приговор.

Какой же, скажите, плод от этого, когда тут всё замрёт? Нет, не замрёт, а явится энергия, да еще какая. Одна минута осталась, скажешь себе - сейчас приговор, дай поспешу сделать что-нибудь, - и сделаешь. Так и в каждую минуту"⁴.

Так через образ пшеничного зерна, павшего на землю, раскрывается несказанное: и предстоящий подвиг Спасителя и тайны творчества.

Подобно Господу, образный язык, раскрывая секреты духовных путей, использовали и Апостолы. Брат Господень святой Иаков советовал: “Если же у кого из вас недостает мудрости, да просит у Бога, дающего всем просто и без упреков, - и дастся ему. Но да просит с верою, ни мало не сомневаясь, потому что сомневающийся подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой: да не думает такой человек получить что-нибудь от Господа. Человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих” (*Иак. 1, 5-8*).

И образ зерна, и образ волны раскрывают суть преданности в служении со стороны человека и Божественной помощи свыше, как и написано у пророков: «... и будут все научены Богом». Всякий, слышавший от Отца и научившийся, приходит ко Мне» (*Ин. 6, 45*).

Важно отметить, что “иные притчи Он (Господь) изъяснял особенно ученикам Своим наедине, а самую большую часть оставлял без объяснения, чтобы овладеть вниманием слушающих и приучить их к размышлению, чтобы они к подобиям и предложенным примерам сами принаравливали истины веры и тайны царствия Божия и, таким образом, посредством чувственного, земного, сами разъясняли себе в возможных подробностях вышечувственное и небесное”⁵.

Таким образом, использование наводящих задач, рекомендуемое психологией педагогики, оказывается, было давно подсказано Божественным Наставником. Слушателю дается серия однотипных задач, построенных по одинаковому принципу, который подсказывает их решение.

Это заметил диакон Андрей Кураев: “Оказывается, что новое Царство не просто налагается посредством обыденной человеческой жизни, не парит над миром человека, подобно тому, как “тарелочка” нимба витает над головами святых на западных картинках. Оно входит в самую сердцевину нашего мира и, придя “извне”, старается нашу жизнь преобразить “изнутри”.

“Царство Божие внутри вас есть”, - возвещает Спаситель (*Мк. 17, 21*). И это Царство Он сравнивает с пшеничным зерном, брошенным на землю; и с горчичным зерном, посеянным на поле; и с кладом, зарытым в землю; и с закваской, брошенной в тесто; и с неводом, брошенным в море (*Мф. 13*). У всех этих сравнений есть общая черта: Царство влагается внутрь другой стихии. “Этими образами раскрывается главное содержание Нового Завета: Бог пришел в мир. Стена грехов и богоотчужденности, воздвигнутая между человеком и Богом, разрушена”⁶.

Следует заметить, что в притчах Господа часто используются не только образы, но и событийный ряд, элементы, свойственные драма-

тургическому построению: завязка, возникновение конфликта, развитие борьбы, кульминация, развязка. Вспомним притчу о блудном сыне. Особо важно подчеркнуть, что выводов в своих притчах Христос-Учитель зачастую не дает. Так, в Евангелии от Марка читаем: “Слушайте: вот, вышел сеятель сеять; и когда сеял, случилось, что иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то; иное упало на каменистое место, где не много было земли, и скоро взошло, потому что земля была не глубока; когда же взошло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло; иное упало в терние, и терние выросло и заглушило семя, и оно не дало плода; и иное упало на добрую землю и дало плод, который взошел и вырос, и принесло иное тридцать, иное шестьдесят, и иное сто” (Мк. 4, 3-8).

И вдруг вместо разъяснения, вместо вывода: “И сказал им: кто имеет уши слышать, да слышит!” (Мк. 4, 9). Этими словами Божественный Наставник подчеркивает необходимость глубинного постижения реченных им истин.

“Сеется слово Божие в каждое человеческое сердце, - все слышат об этом, но кто принимает Слово Божие? – спрашивал священник Дмитрий Дудко. – Кто из нас как следует осознает, что Слово Божие – это семя жизни, а если оно у нас не взойдет в сердце, то будет не просто голод духовный – это будет наша гибель. Без Слова Божия спастись нельзя”⁷.

“Притчи – это аллегория, в которой слушатель должен узнать себя, - отметил диакон Андрей Кураев – Евангельские притчи – это не просто житейские иллюстрации некоторых нравственных истин, а обращение к совести человека: понимаешь ли ты, что происходит с тобой? Персонажи её не наделяются каким-то строго определенным характером. Они не описываются, и сказитель притчи не дает их психологического портрета. Персонаж притчи — это чистый субъект нравственно-религиозного выбора. Это один из основных принципов построения библейского текста: он взывает к самоопределению человека, к выбору”⁸.

Когда ученики Господа, приступив к Нему, спросили: «...для чего притчами говоришь им?» Он сказал в ответ: «...для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано; ибо, кто имеет, тому дано будет и приумножится; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет; потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют; и сбывается над ними пророчество Исайи, которое говорит: “слухом услышите - и не уразумеете; и глазами смотреть будете, и не увидите; ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их”» (Мф. 13, 10-15).

Казалось бы, суровый приговор “неразумеющим сердцем”, но Бог - Многомилостивый и Премудрый сердцевед, - пояснив содержание притчи о сеятеле апостолам, почему-то продолжал разговор с народом языком притч. Разъяснений Учитель не дает. Почему?

Возможно, ответ на этот вопрос дается самим Господом и опять в притче: “Царствие Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю, и спит, и встает ночью и днем, и как семя всходит и растет, не знает он; ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе; когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва” (Мк 4, 26-29).

Для нас особо интересны слова: “...и как семя всходит и растет, не знает он, ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе”. “Внутренний процесс произрастания необъясним и неуловим, - писал епископ Аверкий, - как вырастает из семян целое растение, никто не знает. Точно так же неуловимо и необъяснимо религиозное преобразование души человека, совершаемое силою благодати Божией”⁹. Один верующий молодой человек, катаясь на лодке с приятелем, рассказал ему о деяниях Иисуса Христа, об Его учении. Казалось, товарищ не воспринял ничего. Прошло сорок лет, и они вновь встретились. Неверующий напомнил другу о разговоре, который состоялся у них в юности. Он признался, что услышанные тогда слова всю жизнь пребывали в его душе, и попросил помочь ему подготовиться к крещению. Сорок лет зрел плод! А ведь ушел неразумевшим! Нам предписано сеять, рыхлить почву, поливать, но не тянуть росток за верхушку, поглядывая, как растет, а довериться Богу, повелевшему “земле самой производить плод”.

В предшествующие десятилетия в школах использовалась методика преподавания литературы, адресованная к разуму и памяти. Согласно ей ученикам излагалась тема произведения, разбитая на подтемы. Так же подробно формулировалась и идея, даже на доске записывалась учителем – только переписи и запомни. Всё творение расчленилось, а его художественный аромат и неуловимая устремленность к бесконечному исчезали. Но если птицу разобрать по перышкам, а потом попытаться собрать – взлетит ли она?

“Истина не лежит на поверхности, - размышлял о тайнах творчества Экзюпери. – Самое главное то, чего не увидишь глазами”¹⁰.

Целевая направленность произведения, его глубинный смысл не должны декларироваться. Даже самая прекрасная, глубокая мысль, не вызвавшая жизненных ассоциаций, сопереживаний, размышлений, остается холодной информацией, хранимой в памяти, как в компьютере. Такое “механическое” хранение духовных истин может быть и опасным.

- Идет Великий пост, - говорит дедушка внуку. - Сходи, исповедуйся.

- А-а, - отмахивается тот, - ты мне уже говорил об этом в прошлом году.

Виктор Тростников с тревогой делился своими наблюдениями в статье “Господи, храни Америку”: “Американцы, целиком погрязшие в добычании денег и раздумьях о том, куда их вложить и на что истратить, не испытывают и тени смущения, слушая проникновенные проповеди священников или пастырей, в которых им внушают, что все это суета сует и в первую очередь нужно заботиться о спасении души. Им даже нравятся эти слова, как заключающие в себе некую отвлеченную истину, однако им никогда не приходит в голову применить ее к себе лично. Там масса всяких христианских ассоциаций, и Евангелие печатается десятками миллионов экземпляров, но общественное сознание не может правильно воспринять даже название этой великой Книги... Жизнь в Америке целиком управляется материальными вождями и тщеславием, то есть она вся от мира сего. И с Христом, который *только для того и явился на землю, чтобы вознести человека на небеса*, они поступили не менее жестоко, чем те, кто Его распял: полностью включили Его в земную систему ценностей, расположив где-то повыше томатного сока, но, конечно, много ниже доллара”¹¹.

Если Божественное Откровение становится “отвлеченной истиной”, то стоило ли Господу омывать Своею кровью наши грехи, превращающиеся в норму жизни? Если методика преподавания Божественного Откровения способна лишь передавать четко сформулированные догматы для их запоминания, то не обучает ли она “букве”, а не “духу”? Да и как четко сформулировать, к примеру, понятие любви? Сам Бог есть любовь.

В давние времена верующие даже не пытались найти подобающее имя Богу. Они просто показывали рукой на небо и говорили: Тот. Кто вверху, пред Кем падают ниц.

Бог Сам открыл Себя. И открыть его необходимо каждому. Но как совершается это открытие? Кому-то вера передается с молоком матери. А если мать неверующая? Пути Господни неисповедимы. Мы не смеем посягать на разгадку тайны встречи невидимой души с невидимым Спасителем. Мы можем только пробуждать внимание, вызывать интерес к инобытию и его законам.

По своей природе душа тянется к разгадкам мира, к сфере смыслов. Но дирижер мира сего, князь тьмы, создал мощную индустрию для отвлечения внимания от забот о душе временными забавами.

Как же увлечь внимание вечными вопросами бытия: подготовкой к встрече с нашим небесным Отцом, с нашим будущим Отечеством?

Посмотрим, чему отдают свое внимание миллионы? Футбол, хоккей, состязания, схватки, детективы – все то, что связано с некоей загадкой, непредсказуемостью финала. Великий пианист Святослав

Рихтер как-то открыл один из своих секретов: “Самое главное – неожиданность. Неожиданность производит впечатление”.

Если тема и основная идея беседы объявляются заранее, то что остаётся разгадывать слушателю, о чем размышлять? Да и сама проблема может показаться аудитории ненужной, неинтересной. В нее надо вовлечь. Вероятно, лучше начинать с какой-либо загадки, с какого-то действия или события. Так поступал Христос, говоря: “Вышел сеятель сеять...”

Будучи заинтригован неразъяснённой притчей, слушатель сам на подсознательном уровне станет сопоставлять увиденные в своем воображении картины и, если Бог даст, придет к открытию смысла. Но это будет его догадка, его открытие. Вот почему идея не должна лежать на поверхности, декларироваться, вкладываться в память не прожитой, не пропущенной через свой жизненный опыт. Как заметил один режиссер, идея “ходит в шапке-невидимке”. Потом, в минуту озарения, она проникнет в сознание, в сердце слушателя и станет его жизненной позицией, его мировоззренческой установкой.

Многообразны свойства притчи. Иногда она – лишь намек, нацеленный как бы на другого, бьющий мимо. А раз нет прямой наводки, нет и защитной, оборонительной реакции. Значит, этот намек попадет в душу слушателя и вызывает размышления, ассоциации, дающие всходы.

Притчи можно использовать как повод для выхода на тему беседы, как предлог для совместного обсуждения. Образы притч могут быть и примером для подражания. Таковым эталоном Господь представил нам милосердного самарянина.

Притча хорошо запоминается. Полное содержание беседы вряд ли кто сможет пересказать. А в притче сконцентрирована суть, смысл урока. Дети, приходя домой, рассказывают её родным и друзьям. Если ученики ушли с занятий равнодушными, если они не сопереживали услышанному, если им не захотелось его пересказать, то вряд ли что-то доброе посеялось в их душах.

Необходимо обратить внимание еще на одну особенность, используемую Господом в своих беседах с народом: последовательность изложения. Её заметил святой Иоанн Златоуст: “Так и всегда обыкновенно Христос поступал: не сначала, не при первых наставлениях, но постепенно и мало-помалу предлагал труднейшие заповеди, чтобы не встревожить слушателей. Далее, так как заповедь казалась тяжкою, смотри, как он смягчает ее последующими словами, как предлагает награды, превышающие труды, и не награды только, но и наказания за грехи; о наказаниях распространяется даже более, нежели о наградах, потому что обыкновенно не столько данные блага, сколько строгая угроза умудряет многих”¹².

Важно подчеркнуть, что притча — это лишь подготовительный прием, используемый Господом до определенного времени. Христос говорил своим ученикам: “Ещё многое имско сказать вам; но вы теперь не можете вместить” (*Ин. 16, 12*). “Доселе Я говорил вам притчами; но наступает время, когда уже не буду говорить вам притчами, но прямо возвещу вам об Отце” (*Ин. 16, 25*).

Спаситель готовил учеников к предстоящим событиям. Он как бы совершал психологическую прививку для того, чтобы возник иммунитет на приближающуюся эпидемию зла. “Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, Я наперед сказал вам” (*Мф. 24, 24-25*).

“Наперед” — это не только сокрытие от нас дали будущего. “Наперёд” - это и то мгновение, в котором мы будем через секунду или которое переживаем сейчас. Как сказал архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской): “Бог хочет, чтобы люди жили светлой вечностью в каждой точке своего земного времени, которая и есть единственное их “настоящее”. Только мгновение настоящего есть точка соприкосновения человека с реальностью Вечного.

...И Бог открыл нам, что мы верою можем получить от него силу и благодать для каждого настоящего мгновения. Оттого дело диавольское, в значительной мере, сводится к тому, чтобы отводить людей от Божией благодати в настоящем мгновении. Злой дух заставляет людей жить все время “будущим”. И, трудясь только во имя материалистического понимания “будущего”, люди, в сущности, живут вне реального бытия.

...Бог хочет, чтобы люди думали и о будущем, но лишь в меру подготовки настоящих дел добра и справедливости. Подготовка к вечному есть долг и настоящего мгновения. Бог хочет, чтобы в служении Ему и другим людям, человек не отдавал всего своего сердца “будущему”, а жил вечным в настоящем. Но этого, как раз, и не хотят злые духи. Им нужно, чтобы человечество всегда “гналось за радугой, никогда не достигая её”; им надо, чтобы в этой погоне люди забывали смысл и цель жизни и драгоценность каждого своего мгновения для дел добра и справедливости”¹³.

Дорожить каждым мгновением призывал нас и Сам Господь. Завершая одну из притч, Он сказал: “Итак бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий” (*Мф. 25, 13*).

¹ Епископ Аверкий. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. - М., 1995. - Ч. 1. Четвероевангелие. - С. 132, 136.

² Полный церковнославянский словарь/ Сост. протоиерей Г.Дьяченко. - М., 1993. - С. 503.

³ Библейская энциклопедия. Труд и издание Архимандрита Никифора. - М., 1891. - С. 579.

⁴ Святитель Феофан Затворник. Краткие мысли на каждый день по церковному чтению из слова Божия. - М., 1991. - С. 73.

⁵ Библейская энциклопедия. - М., 1891. - С. 579.

⁶ Диякон Андрей Кураев. Школьное богословие. - М., 1997. - С. 186-187.

⁷ Священник Дмитрий Дудко. В терние и при дороге. - М., 1993. - С. 7.

⁸ Диякон Андрей Кураев. Школьное богословие. - М., 1997. - С. 186-187.

⁹ Епископ Аверкий. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. - М., 1995. - Ч. 1. Четвероангелие. - С. 134-135.

¹⁰ Ангуан де Сент-Экзюпери. Планета людей. - Мн., 1976. - С. 224, 406.

¹¹ Тростников В. Господи, храни Америку // Москва. - 1976. - №7. - С. 156.

¹² Иже во святых отца нашего Иоанна, архиепископа Константинопольского Златоустого. Избранные творения. Толкования на святого Матфея Евангелиста. - М., 1993. - Кн. 2. - С. 565.

¹³ Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Апокалипсис мелкого греха. - СПб., 1997. - С. 110-111.

В.А. Харитонович

ХРИСТИАНСТВО И КУЛЬТУРА¹

“...Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие...” (1Кор 1.22-23).

2000 лет Рождества Христова (нашей эры, как кому угодно) – дата для истории человечества знаменательная и главным образом потому, что за такое долгое время христианство не исчезло, все еще продолжает существовать, и даже более: христианами себя считают целые народы и страны.

К настоящему времени появилось много прицерковных и внутрицерковных организаций, институтов, которые считают и называют себя христианами. Насколько то или иное явление в полной мере относится к христианству, знает лишь один Бог, но через кристалл учения, которое Господь дал нам почти 2000 лет назад, все же можно отличать плевелы от здоровой пшеницы. Откровение Христа о вечной жизни, об истинной духовной свободе теснят земная необходимость, логика вещей, ограниченность. И очень сильно этот конфликт между Новозаветным Откровением и несовершенными законами временного мира проявляется в области творчества и культуры. Человеку дано и задано быть творцом. Но вот человек отпал от Бога; мир погрузился во зло, стал ущербным, ползущим к гибели. Человека же по-прежнему снедает жажда деятельности, ему хочется, чтобы эта деятельность оправдывалась мистически, в данном случае христианством. Возможно ли это? Как соотносятся Новозаветное Откровение о конце мира, спасении человека, возвращении его к Своему Творцу и земная деятельность, творчество, культура и т.п.? С одной стороны, онтологической евангельской, – очень плохо; с другой, видимой исторической, – довольно сносно. Поскольку в самом христианстве для человека важен